

ДОМ, КОТОРЫЙ ДЫШИТ

Анастасия Рафаенко

18+

Анастасия Рафаенко

Дом, который дышит

<https://litres.ru/73978163>

SelfPub; 2026

Аннотация

Где заканчивается нежность и начинается контроль? Где проходит граница между страстью и жестокостью?

Один рассказ - три жизни и один дом, который слишком многое повидал и уже никогда не сможет забыть. От первого прикосновения ладони к горлу до последней попытки спастись. От глаз детей, которые учатся быть невидимыми, до исповеди мужчины, который не может остановиться. От вербального убийства словами до почти физического убийства.

Это история о циклах насилия, которые не прерываются, а только усугубляются. О том, как дом становится соучастником, и о том, что некоторые стены помнят дольше, чем живут люди.

(Содержит описания домашнего насилия, психологического и физического абьюза)

Содержание

Внимание!	4
Первое воскресенье	5
Механика цикла	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анастасия Рафаенко

Дом, который дышит

Внимание!

Данное произведение содержит **подробные описания физического, психологического и сексуального насилия в семье**. Текст может вызвать сильную эмоциональную реакцию, тревогу, приступы паники, флешбэки и ретравматизацию – особенно у тех, кто пережил или переживает нечто подобное. Автор намеренно не приукрашивает происходящее: вы будете чувствовать запахи, слышать звуки и ощущать прикосновения вместе с героями – в этом замысел и в этом опасность. Если во время чтения вам станет трудно дышать, если сердце забьется чаще, если вы узнаете в этих стенах свои стены, пожалуйста, остановитесь. Отложите книгу. Откройте окно. Вы имеете право не читать дальше. Вы имеете право уйти – и из этой книги, и из любого дома, в котором воздух стал слишком густым.

Если вы узнали себя на этих страницах, знайте: вы не одиноки. **Телефон доверия: 8-800-2000-122** (бесплатно, анонимно, круглосуточно)

Первое воскресенье

Утро первого воскресенья в доме молодых супругов начиналось густо, с запаха дрожжевого теста, которое поднималось в глиняной миске на широком подоконнике, медленно вздыхая в такт “дыханию” стен. Солнечный свет лежал на льняной скатерти тяжелыми масляными бликами, подчеркивая каждую старую складку, каждое едва заметное пятно от прежних хозяев, и делал воздух на кухне теплым, почти съедобным. Тонкие пальцы Анны, с тонким обручальным кольцом, которое все еще холодило кожу по утрам, погружались в податливую массу, выдавливая из нее сладковатый пар ванили и кардамона. Двадцать четыре года, из которых полгода замужества. Анна мяла тесто с той сосредоточенной нежностью, с какой трогают только то, что кажется надежным и своим, и дом отвечал ей тем же – половицы под босыми ступнями поскрипывали дружелюбно, не угрожая, а словно подбадривая, а обои в коридоре с крупными листьями ловили свет так, что узор казался просто игрой теней от яблони за окном.

Запах ее духов – сандал и ваниль – смешивался с дрожжами и старым деревом, создавая воздух такой плотный, что его можно было набирать в ладони. Где-то в глубине дома, в ванной, капал кран – ровный, металлический звук, похожий на медленное сердцебиение – Анна улыбалась этому звуку,

как старому знакомому. Дом пока был союзником, хранил тепло их с мужем тел по ночам, впитывал запахи еды и смеха, и даже трещина на потолке кухни, похожая на молнию, в этом свете выглядела просто причудливой линией, а не шрамом.

Анна услышала шаги супруга на лестнице раньше, чем увидела его самого. Тяжелые, неторопливые, еще сонные. Сергей вошел на кухню босиком, в старой серой футболке, которая обтягивала широкие плечи. Запах его кожи – чуть солоноватый после сна, с остатками вчерашнего одеколona и дерева, которое он обрабатывал на работе, – наполнил пространство, вытеснив часть ее ванили. Супруг подошел сзади, обхватил Анну за талию большими горячими ладонями, прижался лицом к изгибу шеи. Дыхание Сергея обожгло кожу.

– Пахнет домом, – сказал он низко, и вибрация голоса прошла вдоль позвоночника Анны, вниз, до самых колен.

Она засмеялась тихо, вытерла руки о фартук и повернулась в его руках. Поцелуй начался привычно – мягко, с привкусом зубной пасты и утренней лени. Губы Сергея были теплыми, требовательными ровно настолько, чтобы она почувствовала себя желанной. Ее тело ответило сразу, привычно прильнув, грудь прижалась к его груди, бедра – к его бедрам. Воздух между супругами стал гуще, сладковатый от теста и ее духов.

А потом правая ладонь мужа медленно, почти благоговей-

но, скользнула вверх по ее груди, миновала ключицу и легла на горло. Не сжала, просто легла. Пальцы обхватили шею с точностью, от которой у Анны перехватило дыхание. Большой палец нашел ямку у основания, где пульс стучал теперь быстро и открыто, как пойманная птица. Кожа ладони Сергея была шершавой от работы, горячей, тяжелой. Женщина ощутила каждый миллиметр этого прикосновения – температуру, давление, силу, которая пока сдерживалась. Пульс бился прямо в его руку. Внизу живота разлилось знакомое тепло, острое, почти болезненное, смешанное с чем-то новым, электрическим, от чего воздух в легких стал плотнее. Анна не отстранилась. Поцелуй продолжался, глубже, влажнее, а ладонь Сергея оставалась там – спокойная, почти нежная, словно он прислушивался к жизни внутри ее горла.

Дом вокруг них затаил дыхание. Солнечный луч на скатерти не шелохнулся. Даже капель из крана в ванной на секунду замедлилась. Это было еще не страшно. Это было как открытие. Как будто Сергей впервые по-настоящему коснулся не только тела Анны, но и чего-то глубже – границы, которую она сама не замечала до этой минуты.

Сергей отстранился первым, глаза его были темными, довольными. Большой палец медленно провел по ее горлу, словно стирая невидимый след, и только потом ладонь убралась. Кожа на шее продолжала гореть его теплом еще долго.

– Булочки сгорят, – сказала Анна, голос чуть хрипловатый, и отвернулась к духовке, чувствуя, как колени слегка

дрожат.

Сергей с грохотом сел за стол, наблюдая. Свет лежал на его плечах, подчеркивая мышцы под футболкой. Пока все было как всегда.

Обед случился позже, когда булочки уже остыли на решетке, золотистые, с ровной корочкой, которую она так старательно смазывала яйцом. Они ели за тем же дубовым столом, где царапины от ножей прежних жильцов ловили крошки. Анна разливала суп, стараясь, чтобы все было красиво – салфетки, хлеб, даже маленькая вазочка с веткой сирени из сада. Запах еды наполнял кухню густо, уютно. Сергей ел молча, но она чувствовала его взгляд на себе, сначала обычный, а потом будто что-то сдвинулось.

Анна поставила перед ним тарелку, улыбнулась. Какая-то мелочь – булочка чуть треснула сверху, или она забыла соль в супе, или просто солнце переместилось и тень от ее руки легла ему на лицо не так, как хотелось. Взгляд Сергея изменился за секунду. Тяжесть пришла внезапно, как туча, закрывшая солнце. В глазах появился новый свет – густой, металлический, какой-то голодный, но еще не злость, что-то глубже, что-то, от чего воздух на кухне стал вдруг холоднее, хотя печь продолжала отдавать тепло.

– Что? – спросила Анна тихо, чувствуя, как ложка в ее руке становится тяжелее.

Сергей не ответил сразу – просто смотрел. Ладонь, та самая, что недавно лежала на ее горле, теперь лежала на сто-

ле рядом с тарелкой, пальцы слегка согнуты. Анна увидела, как под кожей ходят жилы. Дом тоже почувствовал перемену – трещина на потолке вдруг стала заметнее, словно молния на миг вспыхнула. Капель в ванной зазвучала громче. Анна улыбнулась шире, пытаясь вернуть прежнее тепло, и положила ему еще одну булочку. Взгляд его смягчился не сразу, но когда смягчился, она выдохнула так, будто долго держала воздух в груди.

Вечер пришел медленно, растянувшись в длинных тенях по обоям. Они смотрели фильм в гостиной, она прижалась к его боку, чувствуя тяжесть его руки на своих плечах. Запах его кожи теперь был другим – дневным, с примесью пота и дерева. Когда Сергей повернулся к ней, поцелуй начался с той же точки – ладонь снова легла на горло, уже увереннее. На этот раз давление было чуть сильнее, Анна почувствовала, как кровь стучит в висках. Страх пришел впервые – настоящий, холодный, острый, как игла под ребра. Но вместе с ним пришло и возбуждение, такое густое, что оно затмило страх. Тело ее предало, открываясь ему еще охотнее, Анна слышала собственное дыхание – прерывистое, почти жалобное. Его пальцы держали ровно столько, чтобы она понимала: он может. И в этом понимании было что-то невыносимо сладкое и невыносимо опасное.

– Ты моя, – прошептал Сергей в губы Анны, не спрашивая.

Анна молча кивнула, потому что в тот момент это было

правдой.

Ночь опустилась на дом тяжело, как влажное одеяло. Супруги лежали в спальне, где обои с крупными листьями казались теперь почти черными. Тени от веток за окном ложились на них так, что в узоре угадывались ладони – пять пальцев, прижатые к стене. Анна прижалась лицом к груди Сергея, слушая тяжелое, ровное сердцебиение, кожа его была горячей, чуть влажной после прошедшего дня. Запах – железистый, соленый, родной. Его рука лежала у Анны на пояснице, тяжелая, спокойная. Дыхание Сергея постепенно выравнивалось, становилось глубже.

Анна же лежала и убеждала себя – это была страсть, просто страсть. Мужчины иногда так показывают, как сильно желают свою женщину. Рука на горле – это не угроза, а близость. Новый свет в его глазах за обедом – просто усталость. Дом вокруг них дышал спокойно: старые балки потрескивали, кран в ванной капал с привычной регулярностью, словно отсчитывая секунды до утра. Трещина на кухонном потолке уже снова стала просто трещиной. Анна провела пальцами по груди супруга, чувствуя, как под кожей ходят мышцы даже во сне. Тепло тела Сергея проникало в нее, заполняя все трещины внутри.

Это было первое воскресенье.

Анна закрыла глаза. Воздух в комнате стал совсем густым, тяжелым, пропитанным запахом их тел, ее духов, его кожи и едва уловимой, еще не названной нотой старой штукатур-

ки, которая начала медленно впитывать то, что только началось. Дом молчал и пока оставался на их стороне. Тени на обоях замерли, не шевелясь. Только капель из крана продолжала отсчитывать время – ровная, терпеливая, как будто знала, что все еще может измениться.

Но в тишине после их дыхания уже лежала плотная, почти физическая тяжесть. Такая, после которой хочется встать, открыть окно и долго стоять, вдыхая холодный ночной воздух, пока не перестанет звенеть в ушах. Анна не встала. Прижалась сильнее, чувствуя, как рука Сергея во сне инстинктивно сжалась на ее пояснице. Анна лежала так до утра, убеждая себя, что это все еще любовь, что дом все еще теплый и что тени на обоях – просто тени.

Механика цикла

Утро начиналось не с первого луча, пробившего пыльное стекло кухонного окна, и не с привычного скрипа старой дубовой лестницы под тяжелыми шагами Сергея, а с едва уловимого сгущения воздуха, который вдруг становился плотнее, словно стены дома медленно втягивали в себя ночную влагу и вчерашние невысказанные слова, превращая их в тяжелую, почти осязаемую тишину, что ложилась на кожу тончайшей пленкой. Анна привычно стояла у плиты, чувствуя, как дрожь в кончиках пальцев передается деревянной ложке, которой она медленно помешивала овсянку, и уже по одному только изменению дыхания супруга за спиной – оно стало глубже, медленнее, с едва заметной хрипотцой в конце каждого выдоха – понимала, что сегодняшний цикл начался раньше обычного, что дом уже проснулся вместе с ней и теперь напряженно прислушивается, как старое дерево в балках над головой начинает едва слышно поскрипывать, словно собираясь с силами перед тем, как принять в себя новую порцию человеческого тепла и человеческой боли.

Свет падал на скатерть косыми густыми полосами, подчеркивая каждую трещинку в старом дубовом столе, где царапины от ножей прежних хозяев казались теперь глубокими шрамами, впитавшими в себя запахи сотен завтраков и ужинов, и когда Сергей сел напротив, запах его кожи после сна –

теплый, чуть кислый, с тяжелой примесью вчерашней работы и ночного пота – смешался с ароматом духов Анны, оставшихся на воротнике его рубашки, создавая в воздухе такую плотную смесь, что ложка в ее руке стала двигаться медленнее, а трещина на потолке, похожая на молнию, вдруг проступила резче, словно дом пытался предупредить Анну тем единственным способом, который ему был доступен. Сергей ел молча, но Анна ощущала, как его взгляд скользит по ее запястьям, по линии шеи, где вчера вечером еще горел отпечаток его ладони, и дом вместе с ней втягивал это напряжение – стены слегка сжимались, воздух становился гуще, а капель из крана в ванной, доносившаяся сквозь приоткрытую дверь, замедлялась, превращаясь в тяжелые, вязкие удары, отсчитывающие не секунды, а приближение того момента, когда нежность снова начнет превращаться в нечто иное, более тяжелое и первобытное.

День пришел с обманчивой мягкостью, когда солнце поднялось выше и залило кухню теплым маслянистым светом, заставив обои в коридоре с крупными выцветшими листьями казаться почти живыми, будто тени ладоней, отпечатавшиеся в их узоре, слегка шевелились в такт дыханию Анны, пока она стояла в маленькой комнате у окна и гладила рубашки супруга – одну за другой, медленно проводя горячим металлом по хлопку, вдыхая запах стирального порошка, смешанный с едва уловимым ароматом его тела, которое уже пропитало ткань за многие месяцы. Дом в эти часы слов-

но затаивался, выдыхая накопленное утреннее напряжение через щели в старых рамах, позволяя Анне поверить, что сегодня может быть иначе, что ритм на этот раз сломается и вечер не принесет с собой того тяжелого металлического привкуса во рту, который появлялся всегда, когда дыхание благоверного менялось окончательно. Анна гладила рубашки с почти ритуальной тщательностью, проводя ладонью по еще теплой ткани, чувствуя, как тепло утюга передается ее пальцам, а потом – дальше, в глубину груди, где уже начинало тихо ныть предчувствие, и дом отвечал тем же – половицы под босыми ногами становились мягче, а запах старого дерева и едва влажной штукатурки в углах становился уютнее, почти материнским, словно стены пытались обнять хрупкую женщину, пока еще было время.

Но день всегда был лишь передышкой, фальшивым затишьем, в котором дом копил силы, впитывая в свои поры тихую тревогу Анны и растущее раздражение Сергея, которое он приносил с работы вместе с запахом сосновой стружки и машинного масла, и когда солнце начало клониться к закату, окрашивая кухню в тяжелые оранжевые тона, воздух снова стал густеть, становясь почти ощутимо тяжелым, как перед грозой, а трещина на потолке снова проступила ярче, словно молния, готовая вот-вот ударить. Анна слышала, как Сергей вошел, как скрипнула входная дверь, как его шаги – теперь уже тяжелые, намеренные – пересекли коридор, и в тот момент дом резко втянул в себя весь оставшийся свет,

стены словно сдвинулись на миллиметр ближе друг к другу, а женщина ощутила, как ее собственное дыхание синхронизировалось с ритмом дома – короткое, поверхностное, готовое в любой момент прерваться.

Вечер взорвался внезапно, хотя Анна ждала супруга весь день, тот сказал что-то обыденное – о соли в супе, о том, что рубашка плохо выглажена, о том, что Анна опять смотрит на него тупым взглядом характерный только овцам и самой Анне, – и слова эти, казалось, были лишь предлогом, потому что настоящий толчок шел глубже, из того места внутри Сергея, которое дом уже научился узнавать по изменению температуры воздуха и по тому, как внезапно начинал тягелеть запах его кожи.

Первый удар пришел не как вспышка ярости, а как продолжение движения – ладонь Сергея, все та же широкая, горячая ладонь, которую Анна когда-то целовала по утрам, внезапно распрямилась и обрушилась на ее скулу с такой точной, тяжелой силой, что пространство между ними на мгновение сжалось до размера его кулака, а звук – глухой, влажный, почти мясной – разошелся по кухне, впитываясь в обои, в дерево стола, в трещины потолка. Анна почувствовала, как кожа на лице вспыхнула жаром, как кость скулы отозвалась глубокой, проникающей болью, которая ушла вниз по шее и разлилась по грудной клетке, и в тот же момент дом резко вдохнул – все балки над головой скрипнули одновременно, кран в ванной ударил громче, а тени на обоях в

спальне, видимые сквозь открытую дверь, задрожали, словно ладони, прижатые к стене, наконец-то решили оторваться.

Удар был не просто ударом – он был продолжением всего, что происходило между супругами последние месяцы: и того первого прикосновения к горлу в первое воскресенье, и ночных объятий, когда дыхание супруга становилось тяжелее, и тех моментов нежности, когда он целовал в висок свою супругу после того, как они занимались любовью. Теперь это все слилось в одном тяжелом движении руки Сергея, от которого голова Анны резко ушла в сторону, а во рту мгновенно появился густой железистый привкус крови, смешанный с вкусом вчерашнего ужина и ее собственных слез, которые она еще не успела почувствовать до конца. Дом принял этот удар вместе с Анной – стены словно прогнулись внутрь, впитывая звук и вибрацию, трещина-молния на потолке будто удлинилась на пару миллиметров, а запах мокрой штукатурки усилился, будто дом начал потеть вместе с супругами.

Анна не упала, лишь схватилась за край дубового стола, чувствуя, как глубокие царапины на его поверхности впиваются в ее ладонь, и это прикосновение к старому дереву почему-то успокоило женщину сильнее, чем могла бы успокоить рука ею любимого супруга, если бы он сейчас попытался обнять.

Ночь пришла потом, когда крики стихли и воздух в доме наконец начал медленно выдыхать накопленное напряжение, становясь снова чуть легче, чуть мягче, хотя запах железа

крови все еще висел в спальне густым, тяжелым покрывалом. Анна лежала на кровати, прижавшись щекой к прохладной подушке, чувствуя, как пульсирует скула и как горячая влага медленно стекает из носа на ткань, а дом обнимал ее своей тишиной – стены медленно разжимались, балки переставали скрипеть, а капель из крана в ванной вернулась к своему привычному, почти убаюкивающему ритму. Сергей пришел позже, когда темнота стала совсем густой, лег рядом, тяжело, всем своим большим горячим телом, и Анна ощутила, как его дыхание – теперь уже совсем другое, глубокое, дрожащее – касается ее виска. Слезы супруга были горячими, солеными, они падали на бархатную кожу Анны и смешивались с ее собственной кровью, создавая на лице странную, почти священную смесь.

– Прости меня, – шептал Сергей, и голос его был тяжелее кулака, тяжелее всего, что он мог сделать руками, потому что в этом голосе было все – и детство, которого она не знала, и стыд, который он ненавидел в себе, и любовь, которая все еще жила в нем где-то очень глубоко, под слоями ярости и страха. – Я не хотел. Ты же знаешь, что я не хотел.

Анна молчала и дом молчал вместе с ней. Рука супруга, та самая рука, которая несколько часов назад оставила на ее лице след, теперь лежала на талии женщины – тяжелая, горячая, почти нежная, и она чувствовала, как через эту руку в нее перетекает его дрожь, отвращение к себе и потребность в прощении. Дом выдыхал. Стены медленно отпускали накоп-

ленное напряжение, трещина на потолке кухни снова стала просто трещиной, тени на обоях в спальне замирали в своих листьях, а запах крови постепенно растворялся в запахе его кожи и ее духов – сандала и ванили, которые теперь казались почти траурными. Анна лежала, чувствуя, как слезы Сергея остывают у нее на виске, и понимала, что цикл завершен, что дом снова принял их обоих, впитал в себя этот новый слой боли и снова стал тихим, теплым, почти безопасным, хотя оба супруга знали, что это лишь до следующего утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.